

АЛЕКСАНДР СИДОРЧУК: «ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕТЕРИНАРНОЙ НАУКИ»

Ветеринарию и ветеринарное образование следует развернуть в сторону продуктивного животноводства, больше работать с популяциями животных и уделять внимание исследованию дикой фауны. Так считает профессор кафедры эпизоотологии, микробиологии и организации ветеринарного дела Московской ветеринарной академии Александр Сидорчук. Александр Андреевич руководил кафедрой в течение 25 лет, создал научную школу, его работа была отмечена правительственными и ведомственными наградами. В интервью журналу «Аграрная наука» он рассказал о том, какой путь надо пройти, чтобы добиться признания в науке, о вызовах, которые стоят перед современной ветеринарией.

Александр Андреевич, вас называют одним из ведущих российских ученых и педагогов, работающих в области эпизоотологии и инфекционных болезней животных. Сфера ваших научных интересов очень разнопланова. А что в своей научной работе Вы считаете наиболее важным?

” Сфера моих интересов — инфекционная патология животных и все, что к ней относится. Это микробиология, вирусология, эпизоотология, иммунология, биотехнология производства биологических препаратов и другие направления. За пределы этого я никогда не стремился.

В научной работе главным считаю умение делать все своими руками, честность, умение делиться знаниями с более молодыми коллегами, близкими по духу.

Честность в научной работе, что вы вкладываете в это понятие? Почему, на ваш взгляд, следует говорить об этом?

” Речь здесь идет о достоверности, доказанности получаемых результатов. Это мое личное мнение. Уровень научных исследований, по крайней мере, в нашей отрасли, за последние десятилетия во

многом снизился. И связано это с тем, что работа стала оцениваться рейтингами, количеством публикаций и т. д. Отчасти сказывается и некоторая коммерциализация научной деятельности. Если, к примеру, проводятся исследования, в рамках которых надо оценить эффективность того или иного метода лечения животных или лекарства, то результат, как правило, будет позитивным — «это хорошо, это помогает». А где же тогда результаты отрицательные? Понятно же, что без них не бывает. Вспоминаю свою стажировку в США, которую проходил около 30 лет назад. В американской лаборатории я проводил очень серьезные научные исследования, которые в нашей стране в ту пору и на том уровне сделать было невозможно. Когда после полутора месяцев упорного труда была проведена серия сложнейших экспериментов, мой американский шеф сказал так: «Отлично, Александр! А теперь, начиная с нуля, повтори все заново». Для меня это было шоком. Но подчинился, еще раз проделал работу и перепроверил полученные результаты. Вот такой подход к научным исследованиям с неоднократной перепроверкой самого себя и называется честным.

Почему именно ветеринария стала вашим призванием? Наверняка многим молодым ученым будет интересно, какой путь ведет к успеху в науке.

” С детства увлекался биологией, был интерес к животным. Решил стать биологом и подал документы на биологический факультет Московской ветеринарной академии. Однако по разумному совету родного брата моей бабушки, известного практикующего ветеринарного врача Евгения Олоновского, поступил на ветеринарный факультет. Евгений Алексеевич был в числе первых выпускников Московского зооветеринарного института, служил военным врачом, участвовал в финской и Великой Отечественной войнах. В послевоенное время занимал ответственные ветеринарные должности в Москве и Московской области.

Не ошиблись тогда с выбором?

” Не ошибся. Высокий уровень общебиологической подготовки есть и в ветеринарном образо-

вании. Но ты становишься еще и специалистом в сфере животноводства. Это широкий комплекс знаний — биология, медицина, сельское хозяйство. Приведу один только пример: в отрядах американских астронавтов было три ветеринара. Двое из них участвовали в космических полетах. Ричард Линнехан, с которым мне посчастливилось встретиться во время одной из командировок в США, был в космосе четыре раза! Он стал национальным героем. Я спросил у него тогда: «Почему в НАСА так ценят наших коллег-ветеринаров. Ответ был прост: «Эксперименты на животных что на земле, что в космосе никто лучше нас не выполнит».

После окончания вуза работал на производстве, затем служил в армии, в Центральной школе военного собаководства МО СССР. За это время окончательно понял, что лечебная практика «не для меня». Крупно повезло, когда поступил на работу во Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии — знаменитый ВИЭВ: я попал «в руки» к очень известному в нашей стране микробиологу и эпизоотологу, профессору Ивану Ивановичу Архангельскому — человеку глубочайших знаний, высокой культуры и профессиональной порядочности. В этом институте я общался с крупнейшими учеными того времени. А Иван Иванович Архангельский не только меня воспитал, многим молодым ученым дал путевку в жизнь.

Вы говорите сейчас о роли наставника в судьбе молодого ученого. Что можно взять на вооружение сегодня из того, чему вас учили тогда?

Мне было 25, ему — 70. И он, именитый ученый, лично занимался со мной в лаборатории, учил элементарным вещам — постановке серологических реакций, например. Много еще чему. И вот уже через несколько месяцев после поступления на работу я смог оправиться в командировку для выполнения ответственных заданий. Вначале с руководителем, а потом и сам ставил сложные эксперименты. Это доверие и самостоятельность меня крепко мобилизовали: быстро освоил необходимые навыки, пришло понимание, что работать надо честно, добросовестно и скрупулезно. А еще мой учитель говорил, что ученый-ветеринар должен уметь все делать сам — начиная от подготовки лабораторной посуды, до работы с животными и овладения всеми методами научных исследований. Когда я

готовил свою кандидатскую диссертацию, приходилось постоянно бывать в хозяйствах, самостоятельно брать кровь у огромного количества овец, проводить клинические исследования. Считаю, что без практических навыков можно превратиться в чистого теоретика, а это уводит от решения конкретных научных задач.

Что в итоге все это дало вам лично?

Возможность качественно анализировать полученные результаты, обрести глубину знаний. Так шло мое развитие как ученого-инфекциониста. В 30 лет защитил кандидатскую, в 40 с небольшим — докторскую диссертацию. Проработал в ВИЭВ в общей сложности почти 20 лет.

Ваша научная деятельность во многом связана с внедрением в ветеринарную практику новых препаратов, мер профилактики и лечения животных. Расскажите о самых важных и интересных исследованиях и разработках.

За прошедшие почти 50 лет многое пришлось сделать в области борьбы с инфекционными болезнями крупного и мелкого рогатого скота. На выходе были и диагностикумы, и вакцины, и лечебные препараты, а также методы профилактики и борьбы с болезнями, ветеринарные правила и инструкции. В частности, за работы в области инфекционных болезней овец в составе авторского коллектива был удостоен премии Совета Министров СССР «За разработку комплекса эффективных средств специфической профилактики наиболее опасных и массовых инфекционных болезней овец» за 1990 год.

Вы являетесь создателем научной школы по патологиям массовых болезней конечностей жвачных животных и разработке мер профилактики и борьбы с этими заболеваниями. Расскажите, каким было ее становление, какие задачи решает она сегодня?

Патологией массовых болезней конечностей жвачных и разработкой мер профилактики и борьбы с этими болезнями я занимался на протяжении многих лет. Основы школы перенял у моих учителей, а затем лишь продолжал и развивал их. В прошлые годы эти проблемы были актуальными. По-

степенно подключал к этим работам своих сотрудников и учеников — так развиваются научные школы. При этом актуальность проблем может снижаться. С болезнями конечностей именно так и произошло. После этого переключился на другие темы. Считаю, что заниматься всю жизнь одной проблемой, быть так называемым «специалистом одной болезни» скучно и неинтересно, а таких ученых достаточно много.

С начала 90-х ваша работа связана с преподавательской деятельностью, с вузовской наукой. Есть мнение, что, достигнув определенного возраста, человек делится опытом. Но что на самом деле повлияло на этот ваш выбор? Чем отличается научная работа в вузе, работа со студентами от «чисто» прикладной или теоретической науки?

Да, действительно, одним из побуждающих мотивов перехода на преподавательскую работу стало желание поделиться накопленными знаниями и опытом. В первые годы была даже какая-то эйфория, когда видел горящие глаза студентов, рассказывая им то, чего они не могли найти в учебниках. Потом привык. После перехода на работу в Московскую государственную академию ветеринарной медицины и биологии (МГАВМиБ) в 1993 году больше времени пришлось уделять делам учебным. За это время были написаны учебники «Общая эпизоотология», «Инфекционные болезни животных», «Ветеринарная санитария», «Практикум по эпизоотологии и инфекционным болезням животных», много других учебных пособий и книг. Ряд из них отмечены высокими ведомственными наградами. Кафедра эпизоотологии и инфекционных болезней, которую я возглавлял 25 лет и профессором которой сейчас являюсь, была первой в академии клинической кафедрой, где в обучении стали широко применяться современные компьютерные технологии. Это было еще в 90-е годы.

Педагогическая работа во многом отличается от научной. Ее преимущество — ты не стареешь. Душой точно! Каждый год приходят молодые студенты, для общения с ними надо постоянно быть в «тонусе». Как будто бы возрождаешься каждый год, как птица Феникс.

Научной работой все это время также продолжал заниматься, особенно в годы, когда в течение 9 лет не только заведовал кафедрой, но и занимал должность проректора академии по научной работе. Больше всего люблю работать в лаборатории и с удовольствием делаю это до сих пор.

Что в работе преподавателя ветеринарного вуза считаете самым важным, что непременно нужно донести до молодежи, до будущих специалистов с высшим образованием?

Лекции студентам читаю уже много лет. Главное — дать им базисные знания и обучить их умению находить информацию. Еще надо привить студентам чувство любви к будущей профессии, чтобы они никогда не пожалели о выборе, как я.

Есть такое высказывание, слышал его от ваших коллег-преподавателей: «Если студент спит на лекции, он имеет на это полное право». Вы с этим согласны?

Если студент спит на лекции, меня это не сильно беспокоит. Может быть и преподаватель плохой. Но есть студенты, которым подавай хоть преподавателя-гения, они все равно будут спать. Обучить насильно нельзя — человек учится только сам. Если студент спит на лекции, значит, ветеринария не для него. Такие студенты есть, и потом они, как правило, уходят из профессии. А мы работаем не для них, а для студентов-звездочек, как я их называю. Они тянутся к знаниям, желают учиться, и именно они останутся с нами.

Мир меняется на наших глазах. А что в связи с этим должно меняться в подходах к преподаванию в вузах ветеринарных дисциплин?

Резолюции Всемирной Организации Здравья Животных (МЭБ), принятые в последние годы, говорят о серьезности стоящих перед ветеринарным образованием проблем. Были выдвинуты рекомендации МЭБ по минимальным и расширенным компетенциям выпускников ветеринарных учебных заведений, для обеспечения высокого качества национальных ветеринарных услуг. В мире должны формироваться и развиваться новые направления ветеринарной деятельности: ветеринарное здравоохранение, пищевая безопасность, здоровье и благополучие диких животных, благополучие окружающей среды (природы), поддержание биоразнообразия. Я бы добавил сюда преодоление негативных тенденций глобализации, которая, как мы видим, способствовала быстрому распространению пандемии коронавируса. Ветеринарная деятельность все больше должна направляться не на отдельных животных, а на работу с популяциями, на из-

учение взаимодействия диких и домашних животных. Современный ветеринар — это врач не только со скальпелем или шприцом, но и со стратегией обеспечения здоровья популяций животных.

Проблемы ветеринарного образования есть не только в нашей стране — во всего мире. Студенты, по сути, являются нашими работодателями, поэтому вузы вынуждены подстраиваться под их требования. А желания большинства студентов хорошо известны: «Люблю кошек и собак, поэтому хочу работать в ветеринарной клинике». Вольно-невольнo, но обучение переориентируется на мелких домашних животных, тогда как продуктивное животноводство, которое обеспечивает мировую продовольственную безопасность, оказывается не в почете. Вот почему МЭП пытается повернуть интересы специалистов и вузов к продуктивным животным и исследованиям дикой фауны.

Почему молодежь предпочитает работать в клиниках, а не на свинофермах — это понятно. Условия труда, уровень зарплаты... И еще комфортная жизнь в городе, а не в сельской местности. Как переломить ситуацию?

Сегодня около 70 процентов выпускников ветеринарных вузов работают в сфере мелких домашних животных (МДЖ). Это огромная индустрия. Только в России владельцы МДЖ платят на оказание ветеринарной помощи один триллион рублей, что составляет более 1 процента ВВП страны. Но жизнь, я думаю, все расставит по своим местам. Как этот процесс пойдет дальше — неизвестно, но сельское хозяйство при любом раскладе никуда не денется, потому что «кушать хочется всегда». Аграрный сектор России активно развивается, мы становимся не только экспортерами растениеводческой продукции, но и животноводческой. И постепенно, я надеюсь, начнется перетекание специалистов в эту отрасль. Потребность в этом уже ощущается. Как говорится, «куда деньги, туда и люди».

Что для изменения ситуации надо сделать в рамках самих вузов?

Потребуется перестройка учебных программ. Но это сложно, и не во всех вузах имеются достаточно квалифицированные для этого кадры. Проблем накопилось множество — это недостаточное финансирование аграрных вузов, сокращение аудиторных учебных часов, слабая мотивация студентов в процессе профессиональной подготовки, значительная их профнепригодность и другие. Решать их надо комплексно.

Крайне отрицательно, например, отношусь к разделению ветеринарного образования на две ветви — это собственно ветеринария и ветеринарно-санитарная экспертиза. Подготовка ветврачей проводится по направлению специалитет, а по ВСЭ она двухуровневая — бакалавриат и магистратура. Бакалавры ВСЭ на рынке труда востребованы слабо. Да и на государственном уровне у некоторых экспертов возникают сомнения в целесообразности двухуровневой подготовки специалистов в нашей стране.

Определенные трудности создает отсутствие предвeterинарного образования, которое есть во многих других странах. Если бы оно было, студенты приходили в вуз уже подготовленными по общей биологии, и мы бы не распыляясь, смогли давать им чисто ветеринарные дисциплины. Система тестирования на профессиональную пригодность, которая у нас также отсутствует, помогла бы отсеивать профнепригодных людей на ранних этапах, не дожидаясь, когда они будут заканчивать вуз и уже сами поймут, что ветеринария — это не их призвание. По ситуации с недостаточностью финансирования вопросов нет. Подготовка ветеринарных специалистов стоит недешево: дорогой инструментарий, животные, дорогие схемы лечения. После 2010 года ситуация стала налаживаться: повысились зарплаты, улучшилось оснащение. Но был период, когда ветеринарные и сельскохозяйственные вузы не получали почти ничего. Вот по этой причине специалисты и выпускались недоученными.

Какой вы видите перспективу развития российской ветеринарной науки?

Они такие же, как у всей российской науки и у страны в целом. Будут общие перспективы — будут перспективы и у нас. Решаются новые профессиональные задачи. Этот процесс не всегда безболезненный и безошибочный. Но ветеринары и ветеринария будут нужны всегда и везде. Значит, всегда будут нужны ветеринарные вузы и кафедры. В целом РФ по-прежнему входит, на мой взгляд, в топ-группу так называемых развитых ветеринарных стран, но многое держится на плечах старших поколений, которые постепенно уходят.

Вы многое делаете, чтобы на смену пришла талантливая молодежь.

Стараюсь. Как, впрочем, и все мои коллеги — ученые и преподаватели.

